

Ольга Кипренская

**ЯГА. ДОМ, КОТ И БОГАТЫРЬ
В ПРИДАЧУ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К42

Кипренская О.
К42 Яга. Дом, кот и богатырь в придачу / Ольга Кипренская – М.: Литнет,
2026. – 254 с.

ISBN 978-5-524-01078-0

Вместе с домиком в наследство мне досталась и должность настоящей Яги! Вот только я не просила ни о доме, ни о работе, ни о Коте-Баюне, ни о богатыре Елистрате. Последний вообще с удовольствием бы придушил меня, но, связанный древним заклатьем, обязан служить.

Лиха беда начало, так ещё и Навья Княжна очнулась от многовековой спячки и хочет прорваться в наш мир и сломать Врата.

А кому с этой хтонью разбираться? Правильно, мне!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-01078-0

© Литнет, 2026
© О. Кипренская, 2026

Предисловие

Когда я приехала в деревню получать наследство, то думала, что проведу прекрасное лето в тихом доме у реки. Размечталась! Теперь я разгребаю бабушкины магические обязательства, пытаюсь договориться с вредным котом и не прибить не менее вредного богатыря. И навести порядок среди подшефной нечисти.

И боюсь, это еще не самые большие мои проблемы. Далеко не самые.

Глава 1

– Савельишны домик? И-и-и-и, милая, то тебе далеко-о ещё. Вон, идёшь дальше за околицу, и на другой стороне реки, значит, у самой опушки и будет домик, – бабулька-проводница подняла указующий перст и ткнула в нужную сторону. Затем смерила меня неожиданно цепким и ясным взглядом профессионального следователя и уточнила, – а ты чьих сама будешь?

– Савельишны правнучка, – вздохнула я и подхватила чемодан на колёсиках. – Спасибо за помощь!

– Приехала, значит, к бабке, – она удовлетворённо выдохнула и откинулась на скамеечке. – Давно пора. Ну иди, милая, иди. Чур меня, чур. Тьфу, тьфу, пропади нечистая!

– Что? – Я обернулась, но бабка уже дремала, откинувшись на спинку грубо сколоченной лавочки у завалинки.

Вот и поговорили.

Идти и вправду оказалось далеко, пожалуй, даже слишком далеко. Полуденный зной выматывал, чемодан на колёсиках поднимал тучу пыли, из-за забора недружественно лаяли местные кабысдохи. Иногда в избах чуть приподнималась занавеска, и в щёлку выглядывал любопытный старушечий глаз.

Неуютно.

Остановилась посреди дороги и перевела дух. Впереди уже показалась та самая речка с добротным, широким мостом, сложенным из половинок брёвен. Сразу видно, на века делали. За рекой темнел лес, почти вплотную подступая к воде, и на фоне леса темнел силуэт дома и построек.

Обширное владение, наверное. Явно побольше, чем обычный деревенский участок, вон как много всего. Интересно, я сама справлюсь хоть как-то с хозяйством, или придётся просить о помощи соседей?

Больше-то некого.

Я от души пнула камушек и потащила чемодан дальше. В жизни бы в эту дыру не приехала, если бы не мама! Точнее, отчим, буквально выставивший меня из дома после моего совершеннолетия.

Вот как-то так. Хотя про богом забытое село я, конечно, перестаралась. Довольно большое, обжитое и совершенно непохожее на вымирающее. Хоть и далековато от города, конечно. Прямо скажем – очень далековато.

Каждый день не наездишься, но и при необходимости доберёшься.

У самой опушки, почти вплотную к лесу, стоял дом. Большой, даже на два этажа и с виду очень добротный, сложенный из посеребривших огромных брёвен с резными наличниками и ставнями.

Я такие дома-теремки только по телевизору видела. Старая, но крепкая деревянная калитка заперта на ключ, заборчик невысокий, больше для вида и, чтобы владения обозначить, чем закрыть, и двор на удивление ухоженный. Я думала увидеть заросли бурьяна, но нет.

Трава есть, но невысокая, калачики и в основном ещё что-то мне неизвестное с листочками. Дальше виднеется банька и ещё какие-то сарайчики или не сарайчики. Кто их поймёт, что это такое. Хотя уличный туалет типа “сортир” я опознала.

За домом раскинулся целый дуб, а чуть дальше виднелась старая берёза.

Я достала из кармана ключи, навскидку отделила наиболее подходящий и отперла калитку. Хм, угадала с первого раза! Что тут у нас?

Внезапно налетел холодный порыв ветра, прижал траву к земле, а на берёзе громко каркнул ворон. Я поёжилась. Вот и поздоровались!

Порыв ветра исчез, как и не бывало. Колёсики чемодана вязли в калачиках, и снова пришлось тащить своё имущество на руках. Тропинка к дому была узкой, полузаросшей и скорее угадывалась, чем увидевалась. Да и кому её было протапывать? Чудо, что хоть такая осталась.

Проклиная чемодан, забралась на крыльцо в три ступени, тоже сделанное из половинок брёвен. Ступеней было немного, но они были высокими. Умели же раньше строить! Издали дом мне показался двухэтажным, но, подойдя поближе, я поняла, что второй этаж – это чердак. Или не чердак, а полноценная мансарда. Завтра надо будет сходить, осмотреться.

Дверь тоже оказалась тяжёлой, добротной, с массивными коваными петлями, запертая на висячий замок. Не жаловала моя прабабка современные вещи, я так посмотрю. А может, и ей досталось с незапамятных времён, и с тех пор так и стоит.

Я глубоко вздохнула, собираясь с духом, и медленно повернула ключ в замке. Было немного жутковато входить вот так в старую избушку, чья последняя хозяйка умерла. Замок поддался легко, дужка откинулась, дверь скрипнула и неожиданно легко отворилась.

Снова налетел порыв ветра, по-январски ледяной и пронизывающий, и снова надрывно закаркал ворон, как мне показалось, над самым ухом. Я вздрогнула.

Будь моя воля, развернулась бы и задала стрекоча из этого странного места, но... Я заглянула в сени. Ничего необычного. Лавка и алюминиевые вёдра, бадья для воды, рукомойник у стены, бревенчатые стены, лестница на чердак и ещё одна дверь в жилое помещение. В сенях было полутемно и прохладно, и ещё пахло чем-то приятным. А ещё сосной, пылью и травами. Я поставила чемодан в угол и открыла внутреннюю дверь, не закрывая внешнюю. Пусть проветрится, мало ли что тут накопилось.

Аккуратно заглянула внутрь.

А ничего так! Большая комната, в углу печь, настоящая русская печь, огромный стол из толстых досок, лавки у стены и у стола, широкие, больше напоминающие кровать-полуторку. В одном углу была протянута бечёвка, на которой пучками вниз сушились травы. С одной стены были прибиты полки для посуды, и на них стояли глиняные плошки, чашки, горшочки, внизу шли чугуны,

отдельно висели несколько больших и тоже деревянных половников и простые деревянные ложки.

Особняком стояла большая и даже на вид тяжёлая каменная ступка с деревянным, гладко отполированным пестиком.

К стене был прислонён ухват, а на лавке ближе к окну стояла прялка, без кудели. Окна были прикрыты кружевными занавесками, а справа виднелись ещё две приоткрытые двери.

Я заглянула в одну: широкая кровать, покрытая лоскутным покрывалом с горой подушек, большой старомодный шифоньер, письменный стол, покрытый вышитыми по краю красными и чёрными узорами, скатертью и деревянным стулом. У кровати стоял огромный сундук, обитый железом, выглядевшим так, будто здесь он провёл не одно столетие.

А может, и провёл, кто его знает.

Вторая комната оказалась еще одной спальней, более аскетичной, без занавесок и скатертей, но зато письменный стол был больше и вместо сундука стоял комод.

На полу разноцветные полосатые домотканые дорожки. Всё так уютно, мило и по-домашнему. Не могу подобрать точного слова, но впервые меня захлестнуло ощущение дома. Своего дома, родного дома. Того места, куда хочется вернуться и где хочется жить. Даже в квартире, где я прожила всю жизнь, такого не было.

Я прониклась к неизвестной мне прабабушке теплотой. Надо хотя бы найти её фотографию и посмотреть на родственницу. Варвара упорно представлялась мне высокой и статной женщиной лет тридцати пяти – сорока, с тяжёлой каштановой косой и почему-то красновато-карими глазами. Она улыбалась и смотрела с хитринкой. Я мотнула головой, отгоняя ненужное видение.

И что-то меня здесь смущало. А потом поняла, что. Ни пыли, ни грязи, словно в избе недавно кто-то был, и хозяйка только что вышла.

Неправильно это. Я машинально потрогала печной бок – вроде тоже тёплая, а может, мне и показалось.

Я устало присела на лавку у стола. Чувство благодарности таяло, уступая место бытовым вопросам.

Мокрая от пота футболка противно липла к спине, намекая на мытьё, но где? И как я вообще здесь жить буду?

Печь топить не умею, сегодня ещё на бутербродах и кофе из термоса продержусь, но потом придётся звать на помощь местных. Что тоже та ещё задача, если вспомнить, как они меня встретили? Может, просто приезжих не любят? Или у прабабки моей дурная слава? Недаром на отшибе жила. А стирка? А уют? Есть хотя бы электричество? Что делать?

Яра, минус эмоции, плюс рациональное мышление! Кругом люди, крыша над головой есть, и даже хорошая крыша со всем необходимым.

Справлялись и с худшим.

Надо воды натаскать, попить и умыться. Простыни по-любому есть, вот шифоньер какой, неужто у бабули смены никакой не было? А завтра уже решим, как быть. Устроимся по первому разряду и даже лучше! Лето будет шикарным.

Приободрившись, я подхватила ведра и выскочила во двор. За домом нашёлся колодец-журавль. А чуть дальше и крытая поленница, сплошь забитая дровами и с рубочной колодой невдалеке, но без топора. Ну да, кто топоры бросает посреди двора? Утром посмотрим в сарае, сарай тут по-любому есть, разве ж можно жить в деревне без сарая? Вон, целых три неопознанных здания и одно опознанное формата “туалет деревенский”.

Ещё дальше, у самого леса, притулился ещё один скромный неказистый сарайчик, а дальше... я сощурилась – кажется, это был огород. Но это не точно.

Полные вёдра оттягивали руки и с непривычки плескали холодненьким на ноги. Еле дотащила и оставила на полу в сенях: студёная колодезная вода даже пахла по-особенному, стылостью и хрустальной чистотой. Пить захотелось невероятно.

Тэкс, а чашками засада. Есть одна любимая, как её называла Танька, полуведерная, но она закопана в вещах. Ничего, возьму с полки, теперь это вроде как моё.

Я зашла в избу и остолбенела.

На лавке за столом сидел огромный, как крупный мейн-кун, чёрный котище и ел мои сэндвичи. Те самые, которые я сделала в дорогу, да так и оставила в сумке. И дело не в том, что он их ел, а в том, как он это делал!

Бутерброды лежали на глиняной тарелочке, и кот аккуратнo отрезал кусочек ножом в правой лапе и поддевал вилкой в левой.

Увидев меня, он вытер лапой усы и произнёс мурлыкающим, насмешливым баритоном:

– О, вот и хозяйка пожаловала. Милости просим, господарыня!

Я заорала и кинулась наутёк. Открытая входная дверь с грохотом захлопнулась перед самым моим носом, пребольно ударив по лбу. Я попыталась её открыть, но щеколда не поддавалась – заклинило намертво. В панике я начала то дёргать, то толкать злосчастную дверь, совершенно забыв, в какую сторону она открывается.

– Зря стараешься, – произнёс над ухом всё тот же мурлыкающий голос. – Отсюда тебе ходу нет. Заходи в горницу, поговорим по-человечески.

И я рухнула в спасительный обморок.

Открыла глаза и в недоумении уставилась на деревянный потолок. Осторожно провела рукой и убедилась, что лежу на широкой лавке у стены. За окнами угасали поздние летние сумерки. Ничего себе приключение! Я осторожно села.

Привидится же такое... Говорящий кот с вилкой! Неужели меня так солнцем припекло? Поверить в реальность происходящего я не могла при всём желании, но и оставаться одной уже было невыносимо страшно. Вдруг снова скрутит? Проще уж добежать до деревни и попроситься к кому-нибудь на постой – хоть в сеновал, хоть

в сарай. Если не пустят в сарай, можно в курятник, я там на жёрдочке перекантуюсь среди товаров по разуму.

Стоп, а почему так светло?

Я осторожно, стараясь не делать резких движений, оглядела пространство. На столе стояла огромная керосиновая лампа и освещала всё вокруг немногим хуже электрической. Мурашки табунами пробежали по коже. Кто-то здесь был и оставил лампу! Может, кто из деревенских приходил и зажёл её, и на лавку меня перенёс? Решили из любопытства прийти и поздороваться? Узнать, как устроилась, не надо ли чего? Говорят, люди в деревне намного добрее к дальнему ближнему, чем в городе.

На душе стало немного спокойнее. Люди – это хорошо. Люди – это приятно. Значит, и бежать никуда не надо, сами пришли.

Кота нигде не было видно.

В углу едва слышно зашуршало и заклокотало. Я снова похолодела и осторожно обернулась на звук. На печке сидел здоровущий ворон и, повернув голову вбок, рассматривал меня своим глазом – бусинкой.

Дожили. Мало мне было кота, принимайте пернатое пополнение. Люди-и-и-и, вы где-е-е? Я почувствовала, как отступивший было страх снова щекочет кожу ледяными коготками.

– Цып-цып-цып, – зачем-то позвала я и удивилась своему голосу. Он был чужим, хриплым и скрипучим. И ещё предательски дрожащим. – Ты откуда, птичка? Как ты сюда попала?

Птичка почистила лапёнкой клюв и повернулась ко мне другим боком. В её взгляде явно читалась насмешка и даже презрение. Не знаю, насколько могут быть выразительны птичьи глаза, но у этой взгляд был очень выразительным.

– Живёт он здесь, чего неясного? – Проворчал знакомый голос.

Я резко повернула голову к лампе, прямо на столе, как египетская статуэтка, сидел давний чёрный кот.

Я снова заорала и дёрнулась от души, приложившись головой